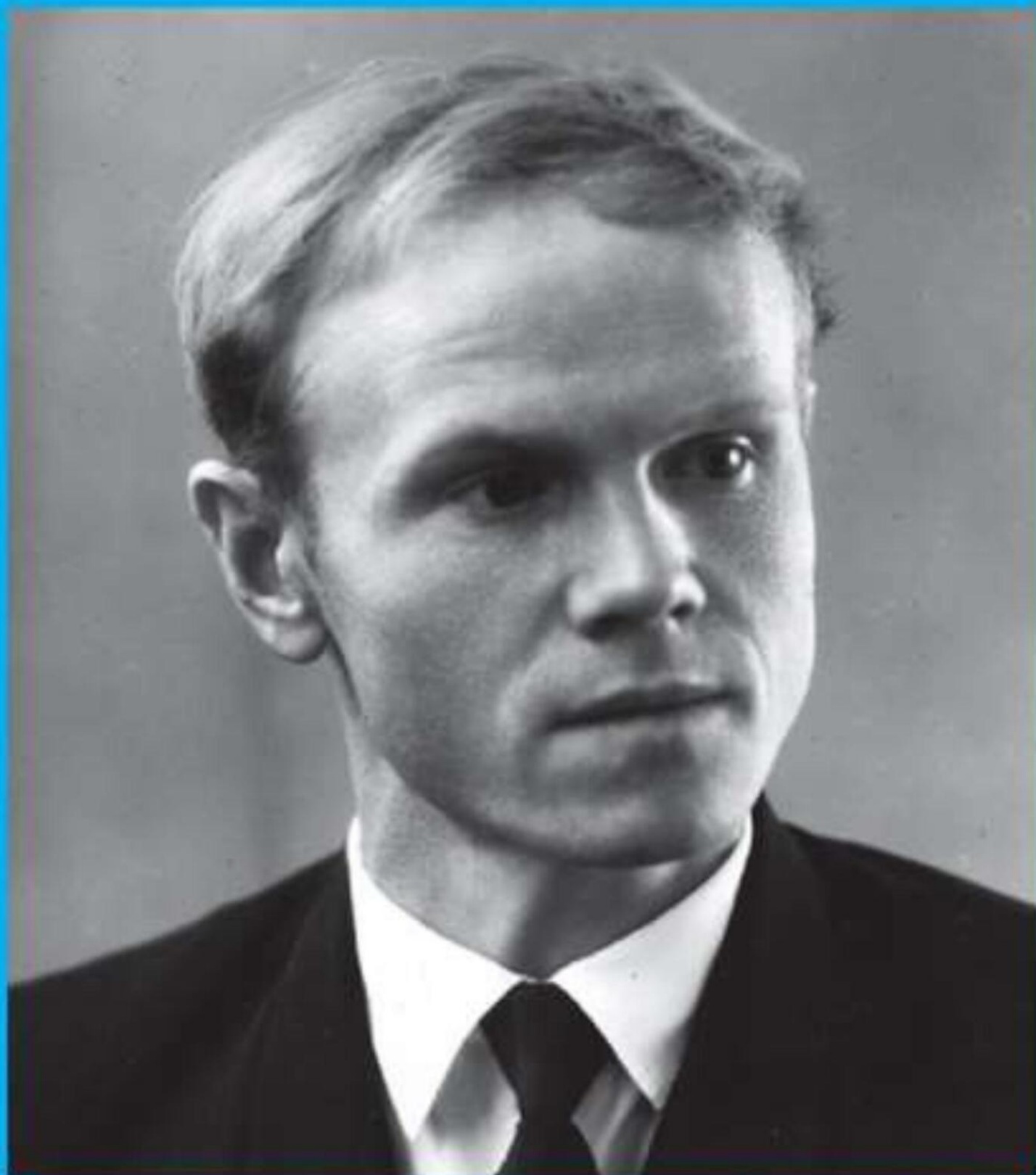

Анатолий Санжаровский
Жених и невеста
Роман

Анатолий Санжаровский

Жених и невеста

«Автор»

2023

Санжаровский А. Н.

Жених и невеста / А. Н. Санжаровский — «Автор», 2023

«Жених и невеста» – роман о деревенских стариках, пронёсших через всю жизнь высокое чувство любви. Лауреат Ленинской премии Егор Исаев написал предисловие к этому произведению: «Насколько это неожиданно, настолько и знакомо одновременно. Я лично в названии повести А. Санжаровского увидел себя в далеком воронежском детстве. В этом словосочетании есть и озорное и серьезное – это как весна перед летом – да и все, собственно, в этой небольшой повести как весна перед летом, в ощущении близкой осени и зимы. Язык повести почти поговорочный – много за словом, над словом, в его глубине. Как велит язык, как велит чувство, так возникает характер. Два характера, две судьбы, но как они близки друг другу, сердцем близки. Хочется любить, верить, а это уже немало и для жизни и для писателя».

© Санжаровский А. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	14
5	16
6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анатолий Санжаровский

Жених и невеста

Чуден свет – дивны люди
Русская пословица

Егору Исаеву посвящается

1

*Ты бай на свой пай,
а я говорю на свою сторону.*

А я и себе не скажу, а с чего это я хожу сама не своя, а чего это пристегнулась, привязалась ко мне, как беда, одна печаль-заботушка, заслонила бел день на сердце...

Думала я, думала да то-олько хлоп кулачиной по столу.

«Будя решетом в воде звёзды ловить! Будя петь лазаря! Скоко можно нюнькаться?»

Надела я, что там было поновей в гардеробине, надела да и наладилась, ёлки-коляски, к своему к Валере-холере.

Иду осенним садом меж пустых, без одёжки уже, дерев, иду, а у самой сердце жмурится то ль с тоски с какой, то ль с радости с какой неясной, а только сосёт-посасывает что-то такое вот...

Подхожу под самый под нос, а Валера мой не видит, не слышит шагу моего.

Как строгал ножичком себе на лавке у яблоньки какую-то рогульку, да так и строгает, будто и нетоньки меня.

Возле топчется Ленушка, гостыюшка наша. От деда внучку и за хвост ввек не оттащить. Такая промежду ними симпатия живёт.

Ленушка с большой осторожностью тыркает деду пальчиком в щёку.

– Дедуля! А ты колючка!

– Зарос... Ёж ежом, – как бубен бубнит дед. Уж такой у него выговор. Я привыкла, что у него самые разласковые слова падают горошинами на пол.

– Если ты ёжик, так почему тогда у тебя на колючках нету яблочков?

– Я, Ленушка, яловый ёжик.

– А что такое яловый?

– Эк, какая ты беспонятливая, – в досаде Валера перестаёт строгать. – Ну, как те пояснить? – Думает. Вскидывает бровь. – Вот что, милушка... О чужом деле что зубы обивать, когда о своём можно поговорить. Те сколько лет?

– Четыре года один месяц и пять днѐв!

Глаза у Валеры засмеялись.

– Ну, насчёт днѐв ты это брось. Говори по правилу. Дней!.. А сколько ещё часов? – с ехидцей копает дед до точности.

– Я не... знаю...

– Ты и не знаешь! Ленушка и не знает! Ну да как же это так? Ну вспомни – а дай-подай те Бог памяти! – ну вспомни вот час, когда принесли тебя из магазина.

– Сейчас детей не покупают!

– Хо! И в лотерею, голуба, выигрывают! Ежель на то пошло-поехало.

– Вотушки ещё...

– А что, они с неба, как манка, сыплются?

– И вовсе не сыплются!

– Ё-ё-ё! А откуда ж, разумщица, их тогда берут?

– Из-рожа-ют! Как сойдутся два семечка... Мамино и папино... Меня изродила сначала половинку мама. А потом половинку ещё папа!

Тут дед не в шутку дрогнул, будто его с низов шилом кто хорошенечко так поддел, и с сердцем ткнул Ленушку в плечо.

– Бесстыжка! Как есть бесстыжка! Да ты... Да ты!.. Вона каковские штуки родному деду выворачиваешь?!

– А что, неправда? Неправдушка? Ну скажи! – Девчоночка завела руки за спину, взяла одной рукой другую за запястье – мне помилуй как ясно всё видать. – Ну скажи!

– Будет рот ширить-то... Тоже мне сыскалась, знаете-понимаете, вундеркиндиха... И не жалаю, и не позывает с непутным дитём слова терять.

Дед сердито сызнава налёг строгать. Всею грудью навис над ножом.

Да только ненамного его хватило. Снова пробубнил:

– Такущее отстёгивать... К каким словам прикопалась... Эт додуматься надобно до такой вот до худой глупости!

– Сам ты это слово, – совсем нáтихо возразила Ленушка. Девчонишка наверное знала, что Валера с глухотинкой уже. Не услышит.

Он и в самом деле не слышал ответа.

А потому продолжал нудить своё в старой линии:

– От твоего, дорогуша, бесстыдствия я слышу, как вот тут, – Валера скинул картуз, повёл мякушкой ладони по зеркально-голому темени, – как вот тут, где сто уже лет волосья выются, что твой карандаш, я слышу, как от твоего басурманства кудри на дыбки встают и кепчонку поднимают. Эт что?

Девочка промолчала.

В крайней серьёзности она рассматривала мыски своих красных ботишков с белыми якорьками по бокам.

Старику и самому прискучила его молитва. Понял, что переборщил. Помолчал, мотнул головой. Прыснул:

– У тя, девонька, в зубах не застрянет. Не язычок... Бритва!

Совестно мне стало слушать мимо моей воли чужое.

Загорелась я было уже окликнуть мягко так Валеру, да Ленушка в торжестве большом подняла голову, глянула навкруг и выпредила меня.

– Дедушка! Дедушка! – в крик позвала. – Да ты только посмотри, кто к нам пришёл!

Поворотил Валера голову, пустил на меня поверх плеча весёлый свой в прищурке глаз. Лыбится.

– Марьянушка, ты чё вырядилась, как та семнадцатка?

– Твоя, Валер, правда. Была семнадцаткой в семнадцатом. Я, Валер, об чём пою...

– Ну?

– Я, Валер, об старом.

Он как-то весь насторожился. Буркнул:

– Знамо... Сами давненькие... С нами и песни наши состарились. Эхма-а...

– И чего колоколить без путя?! – пальнула я с перцем.

– Марьянушка! Да на те креста нету!

– Всё-то он видит! До коих веков, старый ты кулёк с дустом, думаешь корёжиться?

– Марьянушка! Теплиночка ты моя! Утрушко ты моё чистое! Да что ж я тебе искажу окромя того, что тыщу разов уже сказывал!? Не насмелюсь... Смущаюсь я, телок мокроглазый, проклятушего загса твоего...

– Вот так услышь кто сторонний – до смерти успеют!

– А чего ж его, Марьянушка, не смеяться? Чужая беда за сахарь...

– Первенцу сыну полста! Самого за семь десяточков закинуло. А – смущаюсь идти в загс! Ну не смех? И какой только дьявол допустил тебя брать Берилин?! Иль ты и там был вояка – выгонял лягушек из-под пушек?

– И выгонял, посмеятельница... Всяко бывало. Только медалю «За взятие Берлина» мне не за лягушек пожаловали. И в родстве с наградным отделом армии не состоял. Ты-то уж это знаешь, как свою руку. Рядовой везде рядовой. Иль думаешь, мне по великому по знакомищу немчурёнок осколок всадил в мою решалку¹ да так, паршивец, ловко, что, суть твоя несправедливая, докторский снайпер Никита сам Ваньч Фролов и посейчас не выловит? Эх ты, Марьянушка...

Жалко мне стало Валеру своего. Занюнила я.

Заплакать заплакала, а ниточку дела – вот уж где старая петля! – из рук не выпускаю.

– Знаешь же, – жалюсь, – океанический ты водяной, куда всё своротить... Я, Валер, не супостатиха какая там лихостная. Не тебе говорить... Такую долгую жизнь в общности, вкупе да влюбе, изжили, худого слова друг дружке поперёк не положили... И про загс я не затевала бы... Да знаешь, Валер, я как на духу... Ну как ты не поймёшь?.. У нас ворох ребятни. Все своими семьями живут-проживают, все через загс пробежали. А что ж мы с тобой? Иль нехристи какие? Какую ж мы им примерность даём? Оно-то, факт, вся сила не в зарегистрированной в бумажке. Бумажка повалывается-повалывается да и сопреет. Вся сила в другом... Все дети на твоей фамильности. А я одна одной на своей. Иль лютоеица я какая? Чужанка в доме в нашем?

– Какая ж ты чужичка?.. И сложит же такое в свой шалаш!²

– И сложишь... Скоко разов я звала-кликала на расписку? Не сочтёшь! А случись что... Неловко-то как! Вроде и немужняя я. Ничейная вроде как. Не хочу я такой сиротой идти под вороний грай на дубах...

– Ах ты Господи! Она, знаете-понимаете, помирать наладилась... Марьянушка, да... Не смеши ты, любушка, гусей! Золотосвадьбу отплясали. До бриллиантовой безо всяческих там загсов допрём!

– Враг с тобой, тиранозавр! Стал быть, ты и ноне не кладёшь мне согласности произвести в закон всю нашу жизнь? Стал быть, ты и нонь бьёшь клинья не пойтить?

– Марьянушка! Ну что я скажу?.. – Жёлтым от курева пальцем Валера трогает небритую щёку.

– Тогда я, молчун ты нескоблённый, искажу. Сто разов говорила я те про загс. А в сто первый – ни за какие блага! Скоко можно перевешивать старые портки на новые гвоздки?

– Марьянушка! Да ну тя к монаху! Ты чё это надумала?

В голосе у него всполох. Опаска.

– А припёк, истиранил душу – и надумала. Деньжата, хоть и малые, а тутоньки, – кладу руку к груди, где на кофтёнке у меня карманишка исподу прилажен, – до Воронежа хвата. Не пойди вот ноне – к Колюшкú уеду. Колюшбк завсегда – в ночь, в полночь – тёплыми руками встрене, за стол присогласит и соснуть даст где. Матернее сердце в детках. А и детское не в камне... Мамушка я ему, не тётка какая проезжая... А ты бблей меня не увидишь, не заявись только нонеча в загс. Не знаешь сам дорогу – люди добрые скажут!

И с тем пошла.

¹ Решалка – голова.

² Шалаш – голова.

Иду я, иду, а сама глаз от слёз не разожму.

На что отважилась бабака. Может статься, в последний раз у себя на подворье. Дурочка я страшная. Уж что надумаю – костями паду, а то и сотворю.

Вышла я на свою на Рассветную аллею.

Навстречу мне люди. Говорят, смеются. Знакомый кто покажись на глаз – издаля бегу в сторонку куда. Не видали только чтобушко моих слёз...

Летала я по задам-огородам, летала-горячилась да и устала хорониться. Выправилась на тротуарчик, без вы́плачу пошла себе втиши со своей старенькой поводыrkой, кривенькой клюкой, в загсову сторону; не плачу уже, а так, молчу, молчу и иду.

А благодати-то что вокруг!

В полной ясности осень добирала октябрёвы деньки.

В чистом небе жило солнышко. Воля тепла на диво крепенько так ещё держалась; вместе с тем знаешь, хоть оно и тепло, а холода подобрались уже к нашей сторонке близко, не сегодня-завтра навяжутся...

Последние листья с дерев поб́часту ложатся под ноги.

В боязни мне ступать по жёлтым от старости листочкам. Обхожу...

Иду я себе, иду и вижу уже себя со стороны.

Вижу молодой...

2

Удалой долго не думает.

В молодые лета я была видная из себя.

На личность белая, в ладной кости широконык да крепонька. Парубки вкруг меня хоро-
водились, ровно тебе комары мак толкли.

А бедовая что! Неробкую душу вложил в меня Бог. По праздникам на игрищах я не
особо-то конфузилась мужеской нации. Где борются, там и я. Совестью вспомнать, и самой
кортелю поборюкаться. Помани только какой из хлопцев – изволь! И редкий кто из однолетков
мог меня сбороть.

А затей кто из беспутных ухаживателей непотребство какое, так я оплошку не дам. Я
ему, чичисбею, та-ак наобжимаюсь, та-ак наозорую – у меня по три прилипалы нараз отворяли
дверь лбами.

Только что в полные глаза взглянула я на семнадцатую на весну свою, ан чёрт сватов
будто дрыном пригнал.

Они сватают – я за стенкой реву.

Они всё думали, что плачу я – так надо. Да плакала я не заради обычая. В противность
был мне жених.

Росточку дробненького, так, мелочь, не короче ль лопаты. Безвидный, возглявый. Кудри,
как гвозди на заборе. Там лысина, хоть блины пеки.

Одно слово, хорошенькой девчоночке не на что и глянуть. А приглядишься – ревмя заре-
вёшь: до такого степенства плюгавый был тот прасольщик Виталь Сергеич Крутских.

Клади к тому, уже и на возрасте. Под спелыми годами. Не ровня ли летами с отцом с
моим. Ой! Да ну что там ровня? Ему в субботу сто лет будет! А худючий, словно чёрт на
нём воду возил. Плюсуй сюда ещё... Там болезный что – морковкой его перешибёшь. Такого
осталось только накадить да в гроб уложить.

Вот остались мы одни.

Недопёка смотрит на меня россыпью. Не надышится.

А во мне лютость кипит. Курица и та имеет сердце!

– Куда вам, – гну напрямки, – со свиньими плясать? Поросят подавите!

Усмехается.

Усмешечка какая-то одинаково и укорная и искательная.

– Подковыру твою, Марьяна, я распознал... Ну что ж, обиду на Бога я не дяржу, что
состою при свиньях. Такая дела. Этих с родителем своим скупаю за так, тех в три цены гоню.
Научилс из песка верёвочки вить. В жизни гожается.

– Мне-то на кой это поёте?

– А на то... Какой я ни свиное рыло, как ты про мене в мыслях мыслишь, а таки ж жала-
ется в птичий порядок. Ажно кричит, надоти кумекать и об своём угле, потому как, Марьяна,
безо жаны, как без кошки: мыши одолевают.

Я в открытку, напрямую, кладу совет:

– Так просите у соседей кошку и с Богом!

– На что у соседей? По части кошки я сладилс с твоим с батьком. Ехать тебе со мной
на божий суд... К венцу. Я тебе с первых глаз говорю: насмешеньки надо мной ты вовсе ни к
чему делаешь. Муж – коренник в семье. Мужа поважать надоти.

А я и глядеть не хотела на криводую на того разнесчастливого. Да только где ж его взять
силу против родительской воли? Куда родителей ветерок повеет, туда и потянешь.

– Ты, толкушка, – пушил меня после отец, – дурью особо не майся, а поголоси для порядка да и иди с Богом за своего толстокарманника. Мы бедствовали всю жизнь, жили с зажимкой, перебивались с хлеба на квас, так хочешки ты за нас поживи в довольстве. Мож, глядишь, и его шалая копеюшка какая ненароком к нам в хату забредёт.

В мае семнадцатого повезли нас в церковь.

Народу там – негде и курице клюнуть.

До аналоя нам оставалось пройти шагов ещё так с пяток.

На тот момент возглявка мой оглянулся. Оглянулся и глядит с плеча, долгохонько так глядит, ровно тебе прикипел.

Дёрг это я его за рукав, дёрг.

– Что, – вщёпот сымаю спрос, – ворону завидел?

– Не-е. Папашку твою.

– А что, ты раньше его не видел?

– Видать-то видал, да не мог и подумати, что он до таких степеней голяк. Во удумал! У чём в святилище пришлёпал... В притворе с протянутой рукой и то в одежке посправней... Да ну ты только полюбуйси, какой на ём картинный полотняный мешок, в полной мере обшорканный. А воображае, поди, на увесь фрак с иголочки!

Проговорил он это с ядом и в крайней отвратности тоненько захихикал, просыпал смешки, как пшено, на доску.

Смех вышел короткий. На прасольщика навалился овечий кашель. Овечий кашель повсе-гда изводил его.

От злости потемнело всё у меня в глазах. Я вся как есть потерялась. И в ум не положу, быть-то мне как. А недотыка исподтиха знай стегает своё (батюшка всё не выходил).

– За тобой, – долбит долотом в саму душу, – папанька дал – воробушек больша в клюве снесё. А ничего... Не внапрасну ж к недобру был вихорь с пылью навстречь нашему поезду... Знашь, как встарь в нашенской, в воронежской, сторонушке муж жане говаривал? Я царь, а ты моя тварь! Вона какие роля пораздаст нам нонеча венец!

Кажется, подо мной ноженьки лучинками так и хрустнули. Слова сказать не скажу, ровно мне Бог и языка никогда не давал.

Отпустила беда язык, я и пужани дурным голосом:

– Ах ты гробовоз!.. Да венчайся ты вон с им! – тычу в обомлелого попики, что спешил к нам. – А я не тва-рь!

Содрала я с себя фату и только шварк её прасольщику на пролысину да вдобавки та-ак толкнула – шмякнулся он батюшке к ногам.

Батюшка раскинуть руки раскинул, а поймать-таки не словчил.

Видит мамушка такой мармелад – плохо с ней.

Отец поддержал её. Но, завидев, что наладилась я продираться сквозь толпу, как нож в масле, к белому к свету в выходе, ударился за мной, спокинул родительницу на наших соседей.

Уже на паперти заарканил за волосы и ну волочить назад. А из себя отец здоровила. Одно слово, мужик-угол. Там силищи что!

– Не дури, дур-ри-ца! Не дури-и!..

Рванулась я что силы Бог дал – остался отцу в кулаке хороший пук моих волос.

3

Все люди свои, да всяк себя любит.

Дома, раздеваясь, подрала я с себя всё венчалное не на мелкие ли мелкости да и шасть на чердак почти в чём мать на свет пустила.

Кинула на доски старое своё полинялое платишко, легла к щёлке в потолке, смотрю, что за страхи сейчас пойдут.

А у самой кромешный ад на душе.

Примчался первым, держа обувку в руках, как и я, отец.

Громадина, он по-паровозному яростно сопел.

Всё лицо, шею усыпали гроздя пота.

Прямо с порога взял отец в угол. К воде.

Поднял перед собой полное ведро. Припал пить через край.

Вследки объявился тут белей белого прасольщик.

– Бо-ожечко мо-о-ой... – застонал плюгаш, когда увидел посередке комнаты взгорок тряпья. – Ой и лютое семя!.. До чего ж буявая... Ну не хошь – ну и не хошь! А на что ж наряд губить дорогий?!

Отец поставил ведро назад на лавку, рядом с кружкой, крикнул в сочувствии и извинительности.

Покосился на ту возвышенку:

– Дурь из моей крови пересосала...

– Оправдательность тожа... Тут весь баштан³ в ставку идет! Вот чего, папанюшка... Жаних, как это обычаем ведётся, берё своей любе к венцу три вешши. Я не три – все тридцать три ухватил! Не постоял за тышшами! Вырядил, как королевину, усю в шелка! А что я, лоб в два шнурка, извиняюсь, вижу? Какое благодарствие? Такие разбросы в капитальстве я не потерплю... Ну, хорошо, ты напрочь несогласная. Драть-то на кой?! Я этому добру не дал бы пропасти пропадом, в хозяйстве сгодилось ба, пошло б в службу всё... Доведется ж мне жаниху когда-нибудь ай нет? Я б тогда, старая ты кочерга горелая, приглядывал ба бабу по ейной статности, всё чтоба в подгонку за милую душу! А то большого ума дала! Подрала... Бандитство какое... А беду эту ты сплёл. Всё лисил на все четыре ветра кто? Кто рассыпался мелким бисером: стерпится – слюбится, слюбится – полю-юбится? Кто? Ну кто, голь ты перекаткина? А?

Крутских поддел лаковым носком тряпичное крошево. В жалости хохотнул:

– Мда-с... И стерпелось, и слюбилось... А ловко таки поймал ты мене на золоту удочку!

– Ка-а-ак это?

– А так! Кончай мне спектаклю чертоломить. Думаешь, у меня кисель в коробке, и я не знаю? Не ведаю? Да под тобой, старая ты вожжа, я землю на аршин наскрозь вижу! – Крутских хлопнул себя по тощей коленке, притопнул: – Враки, мил тестюшка, что портю воздух. То балуются рыбаки-и! Ясно? На такое беспутствие, – Крутских снова пнул комком из венчалного обмундирования моего, – ты её сам и подбил!

– Виталь Сергейч! Спомилуйте! – в растерянности отшатнулся отец.

– Дождись!.. Всякая вот вошь так и норовить содрать с тебе... Думал, пустырь, на венчалном ералашном игрище разживёшься, набьёшь мошну? Чёрта кудрявого! Да ты мне через судействие всё моё на эту вот на ладонушку, – Крутских в невозможной ярости долбил

³ Баштан – голова.

указательным пальцем в узкую, могилкой, ладонь, выставленную у отцова лица, – всё как есть и возвёрнешь! Всё! До волоска!.. До ниточки!.. До сориночки!..

Я приставила к щёлке дулю.

Отец тяжело тянул носом.

В виноватости всё ниже опускал голову.

– У мене, – разорялся Крутских, – кулак не дурак. Я с тобой не собираюсь изюм косить. Как счас дам в ухо, – он вроде того даже примерился на замашку, – так и зазвенить!

Отец несмело перенёс тело с ноги на ногу.

Глухо сронил:

– Вы, Виталь Сергейч... языком-то играйте... А руками в рассуждение... не входите, милостиво прошу... Не погубите, Виталь Сергеич... Помилуйте, Виталь Сергеич... – и повалился сморкну в ноги.

– Так-то оно ловчее, сподручнее будет, – потеплел голос у прасольщика.

Он поощрительно постучал ногтем по отцову плечу.

У меня всё так и оборвалось.

Сраму-то что! Тереть коленки перед этим плюгавиком... Коленки что? Душу в грязи перед кем ватлать?

Я хочу крикнуть отцу: «Встань!» – голоса своего дозваться нету моченьки. Рот разевать разеваю, а голос нейдёт.

Но отец и сам понял, что лишку дал.

В тот самый миг, когда Крутских тыкнул ему пальцем в плечо, у отца дрогнули желваки. Отец поднял на михрютку долгий пристальный взгляд, будто припоминал что, и медленно наладился подыматься, не сываячи решительного взора с прасолова лица.

– А Виталь вы наш Сергейч, а на что ж это сваливать всё на один загорбок? – Отвага, твёрдость напитали голос отца. – Мне един нонешний денёк год на кости накинуд – и я ж кругом виноватый... Оно, конечно, по чужим ранам да чужим салом мазать неубыточно. А вы всё ж раскиньте умком-то... Я ль стараньем дела не замешивал? Я ль родителевой власти тут не положил? – Отец зверовато чиркнул взглядом по яркому комку моего подвенечного дранья на полу и протянул прасольщику клубок моих волос, что даве выдрал на паперти.

Крутских отшагнул, свёл руки за спину. Из-подо лба поглядывает с пугливым любопытством на мои космы.

Отец не убирал протянутую руку с космами. Ломил своё:

– Я ль беду нашу плёл? А? Вот теперько скажите по чести-совести...

– Мда-а... Хорошо с берегу на гребцов смотреть, – мирно, как-то уступчиво, что ли, отвечал Крутских. – А тут сам в гребцах. И ума не дашь-то...

В досаде отец запустил мои лохмы под лавку с водой.

Крутских мягко, в снисхождении посмотрел на отца.

Без старого, матёрого зла в голосе пожаловался:

– Насмешку какую ить надоти ей исделать? А?.. Ну, обязательно надоти? На всю жизньку пятно... Ить теперича куда ни понеси меня ноги, всякий зубоскалина-шмаровоз бухне в спину, что каменюкой в воду, с полным издевательством: «Во пошёл! Во!.. Эт вот этого чуть было козырь-девка не обвенчала с батюшкой!»

– Ну-у, так и всякий... Умный смолчит, а дурик ну раз скажет, ну два. А на третий и дурику наскучит про одно и то же сарафаниться. А там жизнь под другого под кого фокус поядрёней подкатит и про нонешнее про наше выронят как есть всё из памяти.

– Жди, так и выронят, – засомневался Крутских.

– В обязательности выронят! В жизни, Виталь Сергеич, как на долгой ниве, не такое случалось. А одначе быльё брало.

Отец посмотрел прасольщику в глаза, угодливо осклабился:

– Ничего, Виталь Сергеич. Дальше земельюшки ещё никто не упал... Вы плотно к сердцу не кладите нонешнюю египетскую казнь. Я подо что клин бью... А чего бы нам ещё разок да не попробовать с Марьянкой, с этой пресной шлейей?.. Может, всё у неё от случая?.. Ну-у, муха там какая под хвост попала... Да мало ль с чего шашнадцатогодовая тёлка вскинется на дыбошки? Много ещё в девке блох... С бусырю... С сырцой... И куда только её черти угнали? – Отец оглядел комнату. Послал взгляд в сад за окном. – Вот бы нараз найти её да всем втрёх и переговоры переговорить...

Крутских защитительно, крестовкой, сложил руки на груди.

– Никаковских разговоров-переговоров! Никаковских! Анафема ешь мои расходы! Я себе вот что вбубениваю: «Ешь, Виталь Сергейч, солно, пей горько: помрёшь – не сгниёшь и будешь лежать, как анафема». А женишонкаться... А обжаниться, ежели прижмё ещё на ком, так вспомню, раздолбайка, нонешнюю срамотишшу и ни ногой к бабьему к молодому духу!

Крутских обежал и ощупал полохливыми глазками стены, будто я могла сквозь них войти, и живой ногой уёрзнул из хаты.

4

Прямо страху в глаза и страх смигнёт.

Подшагнул отец к окну и мрачным взором провожал Крутских.

В стреху я видела, как прасольщик шёл-бежал прочь без оглядины.

Крутских вовсе пропал с глаз.

А отец всё стоял столбом, сцепил руки на груди.

Может, так и простоял бы с вечность у окна, не зацепись краешком глаза за вожжи в плетне. Минуту какую с дивом смотрел на вожжи, будто звал из памяти что. Шлёпнул себя по лбу ладоницей.

– То-то, Михайло, девка коники выкидывает – вожжи у тебя шибко новёхоньки, раскидай-тя в раны! А вот и вожжам настал работный час!

Под тяжёлыми руками оконные створки пошли в стороны. Отец прыгнул в сад.

– Ну теперь, невестушка, посчитаемся – твердил малым угарным голосом и наматывал вожжи на ведёрный кулак. – Пригладим в аккурат всё, что ты там глупо связала.

Свирепое отчаяние повело к риге, от риги к амбару, от амбара к хлеву, от хлева к курятнику.

Распахнул курий домину – бегом одурелыми гляделками по жердинам.

С досады саданул кулачиной в кулачину. И на насесте нету Марьянки!

– Мать! – во весь рот шумит мамушке. Мамушка возвраталась из церкви, только вот притворила за собой калитку под навесом. – Мать! Там околь двора не видала где нашу шуто-ломиху?

– Окромя сраму околь нас нонь никто не ходит...

Сказала мамушка это, ойкнула и закрыла лицо руками. Пришатнулась к плетню.

Сильный плач заколыхал тяжёлое тело.

Не стерпела я, не удержала слезу...

Реву, а сама кулаки в рот, чтоб голос мой не сказал отцу, где я.

Из-под стрехи вижу: подбёг сам к мамушке, взял за плечи, ведёт к дому. У порожка пихнул под неё стулку.

– И чего, – пробубнил, – убиваться его так?

– Ой, Миш, ну-у... – Мамушка залилась ещё горше того.

Сверкнул отец шалыми глазищами.

– Ну вой, вой! Я ль запрет кладу? Вой!.. Всё какой-никакой наваришко. Баба плачет – меньше ссыт!

Как-то разом мамушка срезала силу в голосе. Потишала.

– Э-эх, – укорно покачала головой. – Какой ты, Миш, был на язык бандит, так такой и закаржавел.

Только тут мамушка разжала глаза от слёз – разглядела, что за штука бугрилась у отца на руке.

– Это чего будет? – шлёт вопрос.

А сама не без страха пальцем на вожжи кажет.

– Свадебное подношение принцессе твоей Крутилкиной-Мутилкиной!

– И-и! Чего, старый горшок, удумал. У нас в роду никто ребятёнков и пальцем не трогивал!

– А я вот возьму и пальцем трону, и вожжой так нагладю глянец... Запомнит до снега в волосях! А то мы с ей, понимаешь, панькались. А она, цаца, эвона каки шишки стругая!

Вбежав в избу, отец вышвырнул на крыльцо подвенечную одёжку, к чему заступница моя мамушка не показала даже и любопытства.

– Вишь, как маленька собачка лая. От большой слышит! Всё твоя школка!

– Где моя, там и твоя.

– Да-а... Шишки свои делить со мной на ровнях тебя не учи. Что матке, что дочке пальца в рот не занашивай. По локоток отхватят! С родителева хлеба такую дочунюшку спроста не скинешь долой.

– Оно, Михайло, не грех какой год и уждать...

– А чего манежить? Ну чего? Тя когда ссадили на мой кусок?

– Так то меня.

– Ну и она не медалька на шее. Недолго думала, да скоро спровадила какого...

– Вот именно какого. Про него и слово путное не живёт, – уже твёрже как-то выговорила мамушка. – А что при капиталах... Оно и через золото слёзы льются!

– Ты-то что коготки выпускаешь? Видал, с кашей нас не съешь! А я так скажу... Муженёк хоть с кулачок всего, да за мужниным плечом всё затишок... Не спущу ей этот выбрык. Вожжи в ниточку исхожу!

Я себе и сейчас не скажу, как это насмелилась я откинуть люк.

Спустилась в сенцы. Подошла к открытому окну.

– Ну видала ты эту лихостную небожителку? – опешил от неожиданного моего появления отец и спрашивает мамушку: – Ну какую ты кару ей дашь? Га?

– Отец... Да... Ну... – тише воды, невсклад, что твоя борозда бороздит, еле спихнула я с языка крайние слова. – Отец...

Я не знала, как и говорить, но говорить надо было.

Я повторила:

– Отец...

И прислушалась к своему голосу.

Кажется, силы, решимости в голосе набавилось.

– Отец, я сама себе... кару подобрала... Хотите – верните его... Я пойду... Только не бранитесь... Что ж вы стоите?

– Она ещё указы будет мне указывать! – без давешней свирепости громыхнул отец, с чего я взяла, что со своим стыдным венчаньем шатнулся он на попятный дворок и что одно пустое самолюбие велит ему вздорным шумом прикрывать отход. – Надо – беги да ворочай сама того увечного копеешника. А мне с им не вступать в закон!

5

И крута гора, да забывчива, и лиха беда, да избычива.

Года ещё с четыре тужила я одна, как верста в поле.

Правда, парни не на каждом ли углу распускали передо мной перья. Только давала я всякому скорый отлуп: никого и на дух мне не надо.

Какой ни подойди – во всяком мерещился прасольщик и всё тут, хоть ты что...

Времечко отмягчило душеньку мою.

Подросли и мои деньки красные.

Вот скажи кто загодя, что поведусь я с Валеркой Соколовым, – я б тому бестолковку⁴ оторвала и в глаза бросила б...

Полюбить можно стороннего кого, рядили у нас в Острянке меж собой девки. А кто ж любит соседа? Ну какой интерес? Всё ж про человека знаешь с той самой поры, как знаешь и себя...

Валера был ровня мне годами.

Росли мы друг у дружки на видах. И что в особенность, до последней поры я и голоса его толком не знала: Валера всегда молчал, как кол в плетне.

Что ни вечер Валера засылал поверх плетня к нам на подворье голодные глаза свои. Ждал-выжидал меня.

Отец был как-то в добром духе, завидел его и с боевым донесением ко мне:

– Смотри, явление первое: те же и Валерьян с балалайкой, – и засмеялся, картинно тронул стрелку вислого уса. – Только каким вот будет явление второе?

– Поживёте – увидите...

– Это что ж он ищет-то у нас?

– Зашедшее солнушко.

– А ты куда собираешься?

– Тож искать зашедшее солнце.

– Ой, девка, смотри-и, как ба я вам все двадцать четыре света не показал в одном окне...

Не бывало ещё такого, что и коза сыта, и сено цело. Сама знаешь, не люблю я в кулак шептать. Если что, мигом протру ему гляделки. Я с этим молчуном жив не расстанусь!

– Напугал коня овсом! Да мы с тобой и подавно не собираемся расставаться.

– Ты на что намёк кладёшь? Иль налаживаешься за него?

– А какая станет ходить впросто так?

– Ну-у, решай сама. Я теперя в твоём деле сторона.

– Не думай. Всё сольётся в лад. И комар носа не подденет.

Вся-то я – птицы ком, лечу к Валере.

А мамушка не в час и останови:

– Где ж ты, девонька, со стыдом со своим разминулася?! Что ж ты так несёшься к милости к своей ... На вожжах не удержишь?! Иль у ты соображаловка ключьями набита, что так воткрытую льнешь к нему, как шелкова ленточка к стене?

– А взакрытку я не умею! Потом, потом, ма... И про стыд, и про ленточку!

В спину, вдогон мне, шлёт мамушка вздох:

⁴ Бестолковка – голова.

– Побежала... И горюшка мало... Только и воску в свечке, что Валерка...

Как пуля из ствола, вылетела я из калитки.

Побрались за руки да и под потёмочками за дома, за огороды – в лесок в Остренький наш.

А что темнёшеньки вечера в лесу...

А что горячи поцелуи милого...

А что злой хмель-яд лился с жарких губ...

6

Либо петля надвое, либо шея прочь.

Весна тащила по реке блинчатый лёд. Вела к нам из заморья птичьи тучи.

У весны свои хлопоты, у нас свои.

Да такие, что духом и не скажешь. Носила я уже под сердцем живой подарочек дней наших красных...

Раз стирала я с мамушкой.

Мамушка всё у корыта бьётся, а я никак в самую в стирку не войду. Нетушки моих сил и всё, ровно у меня руки отболели, как у ленивки.

Подам то одно, то отнесу другое, то кину-развешу что...

Развешиваю бельё в саду на верёвке, развешиваю и вижу на себе – а была я одета по-лёгкому – полохливые мамушкины глаза.

Перестала я вешать. Смотрю на неё.

Мамушка и шепчет исподтиха, с секретом таким в лице:

– Марьян, а чего это ты выставила кузов – хоть блох колоти?

Дрогнула я вся, будто ток меня прошил.

Но не потерялась вовсе. Взяла на себя вид дурашливо-развесёлый. Отвечаю в ответ:

– Справная стала. Надо быть, с толстых харчей.

– Ох, ломака, не вали на харчи... Повсегдашно харчи шли тебе не в корм коню... – Мамушка весь век навыверт кладёт эту прибаску. – Не пихай мне грешных мыслей в голову... Ты убери его... чё ли... Подбери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.